

Многие страницы истории о войне остаются ненаписанными. Тема Великой Отечественной войны возвеличивалась и мифологизировалась одновременно. Всё негероическое и повседневное оставалось в стороне, казалось, воевали герои Эллады. Меж тем, частные воспоминания, чувства и отклик на событие войны важны не менее, чем официальная история Великой Отечественной.

Марина Балашкина,
историк-династиевед,
директор Центра прак-
тической истории,
Барнаул
hist_center@mail.ru

Так было

Из воспоминаний ветеранов

В апреле 2010 года в Алтайском крае выйдет книга интервью с солдатами Великой Отечественной войны, подготовленная Мариной Балашкиной. Фрагменты книги — память о войне, складывающуюся из частных воспоминаний простых солдат, мы и предлагаем для осмысления в канун 65-летия Великой Победы. Самое главное в них — чувство реальности происходивших событий и отзыв на них.

Белкин Владимир Макарович

Родился 10.08.1923 г. в с. Малаховка Косихинского района Алтайского края. Ушёл на фронт добровольцем в 1941 г. Участник освободительных боев за Вязьму, Курской битвы. С 1947 по 1983 гг. работал на Алтайской железной дороге. Награды: орден Отечественной войны, две медали «За отвагу», юбилейные медали.

На фронт – семнадцатилетним

В воскресенье 22 июня 1941 г. мы с друзьями ходили в Фунтиковский лес. Вернувшись, узнали, что началась война. Мы совсем не знали, как это — война. Думали, как мы — ребяташки — подсолнухами кидаемся — это и есть война. Мне было тогда 17 лет.

На фронт нас направили в Брянские леса в январе 1942 г. Мы копали окопы. Сражений с немцами не было, мы находились в обороне. Потом наш 1079-й пехотный полк направили под Вязьму, где мы находились до марта 1943 г. Мы были, как на передовой. Немцы пускали ракеты, обстреливали нас. Были мелкие боевые стычки, но сражений не было. Случались и курьёзные моменты. Когда мы стояли в селе Субботино, землянки были вкопаны в берег. Прилетит немецкий самолёт, бомбит по берегам и по воде, а мы на плотах рыбу собираем из сетей. Всё время уху варили. А однажды снаряд прилетел в нашу землянку, силы разорваться сразу ему не хватило, крутится и шипит. Нам смешно. Потом мы оттуда выбежали... Ну и пришлось копать себе другую землянку.

Вовк Михаил Антонович

Родился 11.01.1919 г. на Дальнем Востоке (ст. Прохаско) в крестьянской семье. Призван в армию в 1939 г. Участвовал в обороне Киева в 1941 году, в боях против немецкой танковой армии. Освобождал Крым, Белоруссию, Литву, войну окончил в Кёнигсберге. Демобилизован в 1946 г. Более 30 лет работал в Новоалтайске. С 1947 по 1953 гг. был помощником секретаря горкома партии, заведующим орготделом. В 1953 г. рекомендован в Высшую партийную школу. С 1956 по 1960 гг. работал в Белоярской МТС секретарём, а затем управляющим. С 1964 по 1979 гг. — в торговле, был управляющим Новоалтайским обществом. Награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», юбилейные медали.

Тайное задание

О войне я узнал 1 мая 1941 г. Вот как это случилось. Когда меня призвали в армию, я учился в железнодорожном техникуме в Омске, уже окончил полтора курса. В 1939 г. меня призвали в армию в пехотный полк в г. Ленинск-Кузнецкий. У пехоты нашей было 3-5 классов образования. А поскольку я уже окончил 7 классов школы и полтора года техникума, меня отправили в пехотное полковое училище. Окончил его осенью 1940 г. Мне присвоили звание младшего командира. К этому времени события на Западе с финнами окончились. В Ленинске-Кузнецком нас направили готовить призывников-срочников с Западной Украины. У них было образование всего по 1-2 класса. Мы должны были выучить с ними присягу. Заучили наизусть, хотя им это давалось трудно.

1 мая наш полк готовился идти на парад. Приехал командир полка Хачичев, поздоровался с нами, дал приказ своему помощнику, чтобы вышли из строя заместители делопроизводства, писаря штаба полка, адъютанты. Затем комиссар повёл нас к себе в кабинет.

Там он сказал нам: «Если вы где-то обмолвитесь о том, что я вам сейчас поручу делать — гарантирую высшую меру наказания. Расстрел». Пять дней мы работали. Нашей задачей было просмотреть документы солдат, отделить тех, кто может служить на Западе, от тех, кому этого доверять нельзя. Призывники с Украины, Белоруссии были направлены в охранную роту, немцы, греки — туда же. Этим лицам на Западе воевать не доверяли. Их оставили в Ленинске-Кузнецком. А мы готовили полк к отъезду на войну. О том, что война начнётся, никто не говорил, мы сами догадались.

Размышления о боееспособности

Война есть война. В боях с финнами мы много потеряли там не от пуль, а от мороза. Но хорошо, что эта война появилась, потому что мы поняли, что к войне не готовы. Были раздеты — шинель без подкладки, лёгкие ботиночки, наши солдаты замерзали. Нас когда призывали, стали обмундировывать в ватные брюки, валенки, фуфайки, шапки-ушанки. Мы уже готовы были и в морозы воевать. В смысле вооружения в Советско-финскую войну у нас тоже были неравные силы с финнами: они воевали автоматами, а мы винтовками и карабином. Сейчас многие осуждают Сталина за то, что Советский Союз не был готов к началу Великой Отечественной войны. Мы тоже в то время видели, как эшелонами шёл хлеб в Германию. Война вот-вот уже начнётся, а хлеб идёт в Германию. Пароходы идут туда,

там их задерживают, не разгружают с тем, чтобы пароходы тоже оставить в Германии для войны. Сейчас газ, нефть, лес экспортируем. А тогда лес пилили лучковой пилой. Сырья не было на экспорт, вывозили только хлеб. А если не вывезем — не ввезём из-за границы оборудование для создания танков, автоматов.

Так было

Из воспоминаний ветеранов

Сопровождение «Катюши»

В 1942 году появились первые «Катюши». И нам дали новое спецзадание. Выбрали из полка 40 человек, вооружили нас до зубов, одели в спецодежду. И без объяснений направили к объекту. Оказалось, мы из Москвы будем сопровождать на фронт «Катюшу». Всего одну! Это была очень сильная боевая машина. Ею «пробивали» дорогу сквозь вражескую армию. Враги охотились за «Катюшами». Обычно машину укрывали в лесу. Мы минут 30-40 стоим, с неё сделают 3-4 выстрела, и уходим. Иначе «Катюшу» разбомбят с воздуха. Мы эту машину охраняли до 1943 г. Сложно точно сказать, по каким фронтам мы прошли с «Катюшей».

Мотырев Михаил Ефимович

Родился в 1917 г. в с. Баюново Косихинского района Алтайского края. На фронте с 22.06.1941 г. Демобилизован в 1947 г. С 1960 по 1980 гг. работал на железной дороге, входил в военную охрану. Награды: орден Отечественной войны I и II степени, медаль «За отвагу», юбилейные медали.

Её перебрасывали туда, где большое накопление немцев — полк, два. Нас перебрасывали точно, в тайне. Мы и сами не были в курсе, куда нас отправят в очередной раз.

Воронов Григорий Дмитриевич

Родился 22.12.1924 г. в с. Анисимово Тальменского района Алтайского края. В 1942 г. служил на Тихоокеанском флоте. С 1943 по 1950 гг. — на Черноморском флоте. Участвовал в обороне Кавказа, освобождал Севастополь. С мая 1950 г. по август 1952 г. работал завклубом в с. Анисимово, затем — на железной дороге монтёром связи, механиком на ст. Алтайская. На пенсии с 1987 г. Награды: орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией», юбилейные медали.

Обучение на о. Русский

По прибытии во Владивосток в октябре 1942 г. нас отправили на Русский остров. Там располагался учебный отряд Тихоокеанского флота, куда нас определили. Тогда были опасения, что японцы откроют второй фронт.

Однажды во время учебного обстрела случилось чрезвычайное происшествие. Когда подавали порох, снаряды, вдруг загорелась шахта. А из шахты в погреб с порохом пошёл огонь. Был приказ затопить погреб на корабле. Его затопили вместе с матросами. Они не могли открыть выходной люк из-за давления газа, который образовался. Никто из них не выжил, погибло 15 человек. Вот такое было страшное учение. Домой в семье ребят написали: «Погиб на боевом посту». Военачальников за это отстранили от занимаемых должностей. А тому, кто отдал приказ затопить погреб, дали награду. Если бы не было затопления, взорвался бы весь крейсер. Жертвы были бы во много раз больше. Могло погибнуть 800 человек.

Дьяченко Екатерина Фёдоровна

Родилась 20.04.1923 г. в с. Пичугово Верх-Ильменского района Новосибирской области. С 1939 по 1942 гг. работала на Меланжевом комбинате в Барнауле. В 1942 г. училась в спецшколе особого назначения в Москве. Была санитарным инструктором, а затем — командиром санитарной роты 96-го Гвардейского стрелкового полка 30-й Краснознамённой дивизии. Окончила войну на территории Прибалтики в 1945 г. Награды: орден Отечественной войны I степени, орден Славы III степени, медали «За Отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Призыв

Однажды в 1942 г. меня пригласили на беседу в Горком партии. Беседовала с нами женщина-руководитель. Был образован отряд эвакуированных лётчиков из Ленинграда, 58 человек. И в него нужны были две девушки, незамужних. Порекомендовали Дину Петрову и меня. Мне стало страшно. Говорю: «Да я же хорошо работаю! Все обязанности выполняю!» Страх был, потому что уже начали приходить похоронки с фронта. Мне сказали, что этот отряд будет направлен в Москву в спецшколу особого назначения, и дали три часа на сборы. Я бегом побежала к сестре, у неё только что родилась вторая дочь. Рассказала ей, что меня забирают в армию. А она: «Катя! Там же убивают! Ты что, где-то проштрафилась?»

Так было

Из воспоминаний ветеранов

Кожевников Василий Павлович

Родился 25.12.1925 г. в д. Пыля Уржумского района Кировской области. С 1943 служил в 20-м танковом корпусе. Участник Корсунь-Шевченковской операции. Демобилизован в 1948 г. После войны в Кировской области окончил экстерном 8-10 классы средней школы, затем – Кировский педагогический институт. Организовывал школу в с. Черная Речка Кировской области. С 1964 г. живёт и работает в Новоалтайске. Был учителем истории в средней школе №9, в школе №11 детской колонии. На пенсии с 1989 г. Награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией», юбилейные медали.

Сохранил жизнь роте

Из технических лагерей нас направили на Южный фронт в Таганрог. Довелось освобождать Донбасс. Под Мелитополем на р. Молочной я получил своё первое боевое задание. Шёл октябрь 1943 г. У немцев была хорошо укреплённая оборона, они захватили противотанковый ров, построенный ещё нашими при отступлении в 1941 г. Местность вокруг была степная, укрываться от врага кроме рва негде. Поэтому ров переходил из рук в руки. Наша задача заключалась в том, чтобы сделать проход в противотанковом рву. Что такое ров? Глубина отвесной стенки – 5 м, ширина рва – 6 м. Нам нужно было в отвесной стене заложить взрывчатку, сделать направленный взрыв, чтобы в этом месте получился земляной переход для танков. И всё это под носом у немцев, ночью.

Мы встали в то место, где у врага была наиболее сильная оборона. Корпус был вооружён тяжёлой боевой техникой, нам придавали штурмовую авиацию, много «Катюш», «Андрюш». «Андрюши» – это реактивная установка, способная вести обстрел минами. С таким вооружением наш корпус делал прорывы. Когда мы продвигались ко рву, откуда ни возьмись прилетел наш ночной бомбардировщик. Бомбардировщики летали по ночам над передним краем противника, отстреливали врага, бросали гранаты. Лётчик нас заметил и, не узнав своих, принялся обстреливать. Ещё и прожектор включил. Всю ночь нас гонял. На рассвете мы оказались в нейтральной полосе между немцами и своими. Застрелить нас могли и те, и другие. Командиры бросили роту, убежали. Никто не знал, что дальше делать, куда идти. Конечно, теперь уже надо было спасать жизни ста солдат. Сержанты в кукурузе собрались и советуются. Я хорошо ориентировался по звёздам и указал направление по Полярной звезде. Я был семнадцатилетним пацаном, но мне поверили. Вышли мы к своим по Полярной звезде уже метром через 70.

Ситников Николай Фёдорович

Родился 20.10.1923 г. в Сталинграде в семье казака. На фронте — с 1942 года. Участник обороны Сталинграда. В 1942 году находился в немецком плену, бежал. В 1943 г. после проверки в спецлагере НКВД в Подольске направлен на службу в спецкоманду НКВД в Воркуту. Демобилизован в 1947 г. До 1953 г. работал в Воркуте. С 1953 по 1954 гг. был главным инженером горпромкомбината в г. Краснодар. С 1956 г. работал директором комбината бытового обслуживания в г. Новоалтайск. С 1959 по 1964 гг. был главным инженером Барнаульского химзавода. С 1964 по 1988 гг. — заместителем главного инженера по технике безопасности на Барнаульском шинном заводе. На пенсии с 1988 г. Награды: орден Отечественной войны I степени и 22 юбилейные медали.

В немецком плену

Немцы отрезали станцию Обгонерово, прижали наши части к Волге. В плен попали тысячи человек — полковники, простые солдаты. Пленных немцы сразу же вывозили с прифронтовой полосы. Так мы оказались в Цимлянских лагерях, близ станции Цимлянская, где располагался когда-то завод шампанских вин.

Что такое лагерь военнопленных? Со Сталинградского фронта стало поступать большое количество пленных. В 3 км от станции Цимлянская выбрали ровное поле — большую площадку, гектар 30, огородили колючей проволокой в три ряда, подвезли помещения для караульных, электростанцию. По внутреннему ряду колючей проволоки шёл ток высокого напряжения. Через проволоку не убежишь. Барачков не было, мы спали на земле под открытым небом. Вечером отбой — немцы командуют по радию по-русски: «Отбой! Ложись!» Все падают там, где стояли. В августе уже пошла дожди. Падали в грязь. Буквально сразу после команды немцы начинали стрелять из пулемётов прямо над головами. Чуть промедлил — будешь убит. С нами были наши врачи, медсёстры, тоже пленные, пытались наших раненых перевязывать, помогать. У меня было ранение в грудь и перелом рёбер. Но какое уж там лечение. Нас не кормили. Воду давали один раз в сутки по литру на человека. Её просто лили, а ты должен был подставить котелок или пилотку, да хоть рубашку! Было одно спасение — попасть на лагерные работы. Тем, кто работал, немцы давали воду и скудную еду. Но из сорокатысячного лагеря на работы брали ежедневно всего триста человек.

Всех военнопленных немцы разбили по нациям на «базы». Площадь была разгорожена колючей проволокой на отсеки. Первый баз — украинцы, они пользовались преимуществом у немцев, их брали на работы в первую очередь. Второй — белорусы, третий — все азиаты, грузины, четвёртый баз — русские, пятый — комиссары, и шестой — евреи. Над евреями немцы показательно издевались. Идёт эсэсовец в белом халате, перчатках вдоль строя. Женщина стоит с грудным ребёнком, старик. Ваткой мажет губы синильной кислотой. Они все тут же падают.

Утром в рупор командовали нам подъём. Открывали базы, выгоняли нас на общий плац на «зарядку». На плацу стояла трибуна, с которой возвышался человек с рупором, играла песня «Синевский скромный платочек». В рупор раздавалась команда: «Поднять руки. Присесть». Не поднимаешься — забьют насмерть.

Я пробыл в плену всего три дня. Среди нас оказался раненый комиссар батальона. Он сказал нам: «Ребята, танкисты, держаться надо вместе». Когда

Так было

Из воспоминаний ветеранов

подходил к концу третий день плена, мы подвинулись к воротам, к выходу на плац. Комиссар обратился к дежурному полицаю: «Товарищ, ты же русский. Когда скомандуют строиться на работу, открой нам баз вместе с украинцами». Комиссар вытащил спрятанные в ботинок большие кировские наручные часы и подбросил их под проволоку. Полицейский часы подобрал. Так мы попали на работы на Цимлянскую электростанцию. Мы обметали сажу, наводили там порядок.

Побег из плена

В конюшнях при электростанции были длинные узкие окна. Достаточно в них голову просунуть — туловище проскочит. И через эти окна мы втроем бежали. Меня вытаскивали на связанных брючных ремнях последним. Я упал из окна, бежать не могу. А договорились уходить в разные стороны. Поднялся и увидел недалеко дом. Хозяин в мазутной одежде — брюки, куртка, фуражка. Я был худой — мальчишка и мальчишка. Мне было 18 лет. Смотрю, что-то варится у него. Жена стоит молдая. Хозяин недолго думая говорит: «Снимай свою одежду!» Он отдал мне свою мазутную одежду, а мою военную форму сжёг в печке. В этом доме я пробыл не более десяти минут. Хозяин сказал мне: «Сейчас объявят тревогу, будут вас везде искать, проверять. Иди смело, выйдешь на центральную улицу и пойдёшь прямо посреди дороги. Остановят — скажешь, что идёшь работать трактористом, должен идти хлеб убирать». Жена суёт мне узелок, говорит: «Поешь потом». Так я и спасся.

Я не знаю даже имени человека, который мне свою одежду отдал. По калмыцким степям я вернулся к своим, перешёл линию фронта. Шёл один. По пути встретил тоже беглого из плена солдата, из Будёновска, Григория Михайловича Шалухина. У меня раны гноиться начали. Зашёл к какой-то старушке, она меня помыла травами. Русские — есть русские.

Спецлагерь НКВД

Когда я переходил линию фронта, нас задержали свои, русские. Был приказ Сталина: все лица, бывшие в окружении свыше суток, подлежат спецпроверке. К этому времени меня уже зачислили в военную часть в Астрахани. Нас везли оттуда в Подмосковье. Потом уже меня отправили на проверку в Подольский спецлагерь НКВД. Это бывшее училище НКВД, Бериевский центральный лагерь, где расстреливали высший командный состав. А я как сержант попал туда случайно, песенка одна «помогла».

Когда ехали в эшелоне, мне один из сослуживцев говорит: «Коля, ты же запевай! Спой что-нибудь!» Ленинградец какой-то просил «Семёновну». Я спел. А он говорит: «А ты вот это не знаешь дополнение: «Одна рюмочка, три стаканчика, убили Кирова из наганчика. Убили Кирова, убьём и Сталина...» Я спел то, что он сказал. Ну и всё. Меня сразу в отдельный вагон и в спецлагерь НКВД.

В лагере в нашей 34-ой комнате был старший дивизионный комиссар, бывший первый секретарь Крымского обкома партии, танкисты, командир батальона, командир полка, много лётчиков. Стояли трёхъярусные кровати. Кормили нормально, разрешали пользоваться библиотекой, были даже танцы. Нас выводили без конвоя на работы — разбирать завалы на завод подольских машин.

...Перекрестный допрос проводился так. В большой комнате — том самом танцзале — по углам стояли столы. А в середине — крутящееся кресло для допрашиваемого. Направляли прожектор в лицо, допрашивали по очереди несколько человек. Вопросы задавали одни и те же: «Где родился, где крестился...» Записывают слово в слово. Если ты ошибся, что-то не так одному из четверых допрашивающих сказал, делают выводы. Мой последний допрос длился часов шесть. Я уже ничего не видел и ничего не сообщал, когда один из комиссаров наставил мне в ухо парабеллум: «Скажи, сволочь, с каким заданием пришёл?! Сейчас мозги вылетят!» А я ему говорю: «Стреляйте, гражданин начальник, мне всё равно». Тем более, я беспризорником был. Семьи нет. Он пистолет немецкий убрал в кобуру и говорит: «Прости, сыночек, такая у нас служба». И вот когда он сказал «прости», я упал. В общем, у меня ничего не нашли. И направили на службу в НКВД.

Люди моего поколения, оставшиеся в живых — это люди, которым повезло. Истинные же герои, истинные защитники остались на поле боя. Во время обороны Сталинграда солдат жил три дня, командир взвода — неделю, комбат — десять дней. И меня бы давно убили на фронте, ведь я был танкистом, если бы не глупость с антисоветской песенкой.